

Giedrius Alkauskas

Модест Петрович да аз, грешный (опера-былина в память М. П. Мусоргского)

“Свершилось решение судьбы”- мой милый друг Модест Петрович да аз, грешный, собрались для совету; так бы обо всем радеть хотелось. Конечно, в трактире “Сизый Селезень“, что под мавзолеем “Великого Гения Оперы” (под псевдонимом “Верди”). Он чуть вошел, я вмиг узнал. А он?

- А ты кто такой? - протянул лукаво Модя палец ко мне (он, правда, отлично знал меня в лицо).

-Свет мой, Моденька, здравствуй, батюшка мой!- встал и подскочил к нему. Крепко обнялись (“я помню чудное мгновение...“). От Модя же несколько отдавало водкой.

-Ну, здоров, коли не шутишь, - мигнул он мне своими очаровательными глазами, в которых еще виднелась вся “скорбная душа Руси”. Мы уселись.

-Ну, так братик, как поживаешь, рать чужую побиваешь? Дескать, по деньку на день?

-Нет, - ответил, - еще нет. Это в будущем, а про это я не охотник говорить, ибо грядущее закрыто покровом туманным. А нынче живу по старине мирской, по старым книгам, так мыслю.

-А дальше?

-Ну - с, коли “сам народ подскажет”, так и думать нечего.

Замолкли. Модя простучал пальцами по столу мотив “Променады” в оркестровке Равеля. Одна “высокая и святая” идея плавала легкой птицею в густом, однако же, трактирном воздухе. “Мессир” начал первый:

-Так выпьем с горя, где же кружка?

-Моденька, милый, ты такой рассеянный, да и вина то нет! - Здесь подскочила хозяйка (бойкая баба) и поставила на стол пищу для ума и сердца:

-Вот вам, отцы мои, пейте на здоровье!

-Спасибо, хозяйюшка... да и ступай себе с богом, - улыбнулся Модя. Я было чуть не прокричал “Бог тебя благословит“, но нужно же ценить и новизну.

Отпили по несколько глотков и помолчали со значением. Модя начал снова:

-Вот что, милый друг из княжества Литовского, поп скомороху не товарищ, найди товарищей по сердцу у себя на родине. Там есть же люди тебе любезные, творители, разного рода мыслители или наоборот - пишущие оперы (спаси Бог)?

Где то ударили в колокола - видно богослов Халява работает изо всей мочи. Не кричать же ему с высокой колокольни “Горе, горе граду Китежу, без крестов церковны маковкиИИ ”!

- То-то, Модя милый, друг мой сердечный, “В глуши далекой, в стольном граде наука дивная таится...” Бабы сказки. Нет, Мусорьянин, прошли года, и я увидел, что в жизни нет героев.

Снова отпили “эликсира”, заодно и помолчали (без значения).

-Модя,- положил я “кружку” на стол (однако, она боле походила на кувшин),- крестом тебя и Богом заклинаю, всю правду мне по совести скажи. То есть не

правду, а совет,- продолжал робко, но с интонацией,- хочу веру переменить... Ибо из востока сия звезда воссияет! Ну? Ну же? Какого? “Сия и буди, буди”! Так, кажется, ты сказал?

Друг мой, впрочем, пил вино и ничего говорить не мог.

-Пустое, друг из княжества Литовского, милый! - ответил подождав минутку,- Ты человек хороший, тихий, да потому и неприспособлен к рынку. А как твоя матушка - католичка? Бабушка, дедушка, внучка да...

- Братец мой?

-... Жучка? - окончил Модя, и видите, новизны на этот раз не последовало (не даром один старик, некий царь Берендей, молвил раз на Ярилиной долине: “Кажды по способностям, каждому по потребностям...”, да и поминай, как звали),- Они все католики?- спросил Модя.

- Вестимо! Гой-да!

-Так вот, мечтанья брось! А что сказал царь Додон?

-Обозвал “татарщиной”!

-И велел сыскать?... Мм-да, голова! “Родится Тит широкий ум”- так провосгласил в былое время (уже усопший, царствие ему небесное!) юродивый старец Кашей Бессмертный...

“Гой-да! Гой-да!” - слышались голоса Халявы и философа Тиберия Горобца, который в то время уже носил свежие усы и курил трубку Стеньки Разина, которая, по преданию легковерных, утонула в реке.

“Ах, прохожий люд, гости дорогие”!- тоже слышался хриплый bass profundo Вия - владельца соседней харчевни. (С таким голосом он был желанный гость на всех панихидах). Сам Вий потягивал из трубки Тараса Бульбы, которая как добыча досталась шляхенским захватчикам, а потом перешла Вию, цитируем почетную грамоту : “за услуги в уничтожении козацких душ, провославных тварей”. Наша же хозяйка в углу грызла ногти от горя.

-То-то,- изрек Модя,- не надо соскакивать с рельс. Так мыслю.

Поставила хозяйка вторую бутылку “Ваарламовской”.

- Ну, а ты, мой друг, чем теперь занят? – ткнул Модя пальцем мне в грудь,- Ведь ужин перед сном с дороги нужен?

-То же самое, друг мой сердечный- хоть я и божий раб смиренный, но преподаю науку из наук – математику в дряхлой конторе. Это для тела. Но, коли два мира - плотский и духовный, занимаюсь и учеными предметами, это нужно позарез...- заикнулся.

-Твоему сатирическому уму.

-Да, ибо велик Господь, а Никоша Василич тем паче! Так вот -продолжал я (изредка потягивал вино. Думал -„Если уж сам Моденька, откняживший, потягивает, так мне, грешному, и Бог велел“) - Именно, занимаюсь теорией Полей Классов...

-Это вроде, как и по ныне в окрестностях Самарканда известный еретик Гришка Отрепьев изрек “Борьба Классов”, или же интересуешься “классами полов”?

-Нет, я по Никошиным следам, да и по твоим же собственным, аль память у тебя вином отшибло? Далее, теории гомологии и гомотопии..

-Гомо-православный и Гомо-мусульманский, кхе-кхе! - Глоток.

-И, Моденька мой милый, другими предметами „высокими и вызывающими на размышление“.

В “Селезень” как раз вошла толпа разного люду, именно: Весна-Красна и вся ее свита, Гога и Магога, в трубу влетел малоизвестный граф Лев Николаевич Каренин (имя и отчество ему родителями было дано в честь всемирной звезды по душевным болезням, профессора– он же и князь –Л.Н. Мышкина), вошел старец Зосима с крестом в руках и с криком “Исчадь ада, изыди!” (граф улетел, плюнув), хороший мастер по изготовлению топоров Раскольников из дома Романовых, да Король Треф и Фата Моргана пришли обсуждать с “адвокатами” свою семейную жизнь (хмельные), ибо “родила царица в ночь, не то сына, не то дочь” (ипохондрика). Хозяйка перестала грызть ногти и пошло, полетело. Но нам было не до них.

-Но,- сконфузился своей речью перед “мессиром”,- об этом я могу только говорить и руками махать, а воистину я знаток только по области тривиальности, даже достиг совершенства в этой науке, я, так сказать, единственный в мире специалист.

-Так уж и единственный? У вас же в Литве таких с три короба! Прославленных всемирных профессоров по баскетболу да по другим искусствам.

-Lietuva! Lie-tu-va! Урррра! Литва - страна баскетбола! По костям их! По костям! Луци!

-На...й тебя! На...й тебя! И за тобою бесов легионы мчатся?... Ох!... Прииде грех велий на языцы земний!

-Эх, Моденька, прошел испытанье! Да я никогда и несомневался. Мне этот напускной пафос во! - обвел пальцем вокруг шеи. “Друг - нашего гнезда птица!” подумал.

-“Новые птицы, новые песни, а поют хуже старых”, тривиально, кажется, это по твоей тематике - Модя всдохнул. Глоток,- Ай, да Корсинка, ай да...

-Сукин сын, ипихондрик пррроклятый, твоих рук дело! - замахала преогромнейшими своими кулаками (вершок с “мальим”) Фата Моргана, но вмешались “адвокаты”, осадили кричавшую. Особенно отметился малый лет сорока - “адвокат” Фетюкович, столичная птица по неким делам, “известная звезда (в известном созвездии)”, как говорила давным-давно прекрасная девица, Шемаханская царица (пропавшая без вести, кстати, того же Фетюковича рук дело). Проиграла русалка нежный мотив, приписываемый (заслуженно) “Великому Гению Оперы”. Но нам с Модей было не до него (спаси Бог!). Я продолжал:

-Вот, например, Модя, задача. Извини, меня, но Никоша Василич выше тебя. Ну и пусть. А чай Федя Михалич как? Ясно, выше Никоши, тривиально (моя тематика, сам говорил). Ну-с, а ты, ты то выше Федеи?

-Гм.

-Как дважды два! Ну, какого? Неразрешимая задача - “квдратура круга”? Пусть так! Слушай, пророчествовал великий древнегреческий пародоксалист - историк Данило Харамис: “Все люди будут пузыри по сравнению с Римлянином. Аминь. Но сам Римлянин будет пузырь по сравнению с Мусорьянином. Баста. Евклидовскому уму не понять. Идите и провозглашайте, ибо сие есть правда человеческая”.

-Слушай, милый друг из княжества Литовского, о тривиальностях. А правду люди говорят, что в вашем стольном граде Вильнюсе один мужик (говорят

еще, со связями и званиями) молвил:

“Вот идет молва правдива,
-Кто знаток, тому не диво-
Хоть широка панорама
Русских оперных вещей,
Но уж “Пиковая Дама”
Всех их в десять раз сильней!”

-Да, Модя, было. Имел бы полную мощну, построил бы Вавилонскую башню, да прокричал во всю силу: “А вы, бесноватые, во что беснуетесь?” Этот же “знаток”...

-А нельзя ли его убрать? - перебил меня Модя, начиная нервничать.

-Нет, сам же слышал - со связями,- поднял палец вверх,- “с кучером царским на козлах сидел!”

-Ну-с, а что, если дерзости исполненный бродяга с Литвы границу нашу перейдет?

-Модя, милый, к нему толпа не прибежит - разве что на иностранного “профессора” посмотреть, и у вас таких глашатаев есть, хоть возом вези...

-Ох,- задумался мой милый друг,- Святая Русь! Не скоро ржавчину татарскую ты смоешь...

-Именно, но пусть творитель этой “Дамы” не бездарность, пусть посредственность (пусть так!). Но его же уважают во святой Руси и ставят некие господа не только выше Корсинки, но и выше...ну... ну тебя, Модя.

-Чай, его и басурманы хвалят?

-Не везде.

-Стало быть, где то хвалят...

-Бог с ними, хорошие люди, но и мы с тобой не без греха.

-То-то, и мы,-Модя здесь разом допил бутылку, да и я...

Допивая третью “Ваарламовской” (так было сказано хозяйкой, хоть вино было гораздо хуже, черт побери, какойнибудь контрабандный “Radames”), Модя запел: “Еще одна, последняя бутылка, и рухнет летопись об пол...” Тут было сунул свою наглую морду Фетюкович, но было ему забав и получше: Король Треф плакал: “Равнодушие к жизни, полная апатия, острая меланхолия, опасная меланхолия...”, а Фата Моргана, Гога и Магога, Весна-Красна да топорных дел мастер Раскольников из дома Романовых играли в “petit jeux”. Как раз последний рассказывал про свои грешки, но как назло, во дворе прокричал какой то петушок, золотой гребешок, большую чушь, вроде “Ки-ри-ку-ку, в темя клюну старику!”. Началась на улице большая суматоха, и всем стало еще веселей. После этого главного “адвоката” Фетюковича больше не видели. Свита же Весны-Красны, состоящая из цветиков да пташек вольных, оставшихся без надзора, плясала комаринскую под акомпониент Омского острожного оркестра, который там же на улице наняли за гроши. “Право, было б хорошо, если Глинка хоть случайно услышал ее у нас”. Вот то бы было зрелище! Еще зашли и “светлые личности”, сиаемские близнецы Утешительный с Раздражительным, любители острых ощущений за картежным столом, любившие кричать, если выходил король треф: “Пошел, тамбовский мужик!”, ну а если попадалась пиковая дама... Старец же Зосима

все наблюдал и записывал, чтобы отдать этот документ потом “блюстителем” порядка.

Только преуспел Модест Петрович несколько раз вздохнуть, налить себе снова чару вина, как двери трактира маленько отворились, и через проём показалась чья-то нога, а потом и сам хозяин ее: худенькая фигура с кривым выражением лица, с жиденькой бородкой, с надетыми черными очками, с шляпой в одной руке и с палкой в другой (мы с Модей сидели недалеко от входа). “Третий уж сегодня Оподелдок Иванович идет за претензией к сильному мира сего! То ли еще узрим?”- подумал Модест Петрович, начиная снова злиться. Фигурка пала ниц:

- Великий Государь! Тебе князь Василий Шуйский челом бьет!

- А, преславный вития! Достойный коновод толпы безмозглой!... Впрочем, какой Государь? Вы говорили про некоего Государя? Я- Модест Петрович!!!

- Ах, вы - Модест Петрович!

- А ты разве Шуйский?

- Да-с, я Шуйский!... Аль не читали? Впрочем, совсем я не Шуйский, а Дрова Крестоподобной. Но,- бородач противно улыбнулся, - между приятелями можно просто - Дрова. Имя пламенное-с (в перспективе конечно, но в некотором известном отношении и сейчас), имя наибогороднейшее-с, имя возвышенное-с, рабочее-с имя! Вестимо, не моя в том заслуга - родители назвали. Увы! Таков уж обычай, аль не читали? Дрб-ва!!! Так или не так? Кхе-кхе, очень рад-с!-тут Дрова зевая ткнут пальцем в окно.-Чумаки едут!!!

-Где чумаки?

-Кхе-кхе, виноват-с... Остро? Пожалуй, что остро. “Хей, чумаче-чумачей! Життя твое ледочей!”... Ля, ля.... Ляяя!!!!.. Можно у тебя винца испить? М-да, очень рад-с!!! - тут этот тип отпил из чашки Моденьки вина, поднял горло вверх, и как будто очищая голос, громко полоскал.

-Ля, ля-ля, ляяя!... ляяя!...ишь!... М-да, кхе-кхе!- и как будто уже довольный своей вокальной кондицией, завыл:

-“По-сра-ми-хом, пре-ре-ко-хом и пре-пре-хом по-бе-ди-хом ересь нечестия и зла стремнины вра-жи-ее-ЕЕ ”!. Так-с, на чем остановились? А! Так-с... Пришли просить милости и защиты вашей, в смысле, нашей защиты от отца игумена, ведь не живым по дань нам ятися?

Только тут Модест Петрович заметил, что перед ним стоит тот самый слюнявый монашек Керженецкого монастыря, который уже седьмой день его преследовал с претензией. Тот продолжал:

-Есть даже про него (про наиненавистнейшего отца игумена, если вы меня внимательно следите, так или не так? очень рад-с!), мм-да! Есть про него такой стих:

-“Заводилась в закоулках, где-то в темных переулках,
заводилась баба злая, одинокая, большая.<...>
Ой, должно бы проклята, зла, презлая баба та!”.

-Но,-замахал шляпой “Оподелдок”,- только в мужском-с, в смысле, надо перевести на мужской род. Извольте понимать?

-Гм. Дальше?

-В смысле, что со мной будет дальше? То есть, за лживую присягу четвертуют? Грубый намек-с, милостивый Государь! Ох, страшные словеса изрекаете! Известно ли вам, что “трижды меня убили, трижды воскресал из мертвых”?! Аль не было написано?

-Кого били? - ослышался мой друг. Правда, мы его почти не слушали, да и понять было невозможно.

- Я бил. Всеизвестно: „Керженецкий инок Дрова Крестоподобной поссорился насмерть с тутошним отцом игуменом Досифеем Трёхраспятным (пророческое имя-с, моя трактовка, извольте понимать? Очень рад-с!) После слов первого „ересь соизволил возглоголити, отец игумен!“ второй трахнул тому костылем по зубам“.

- Дальше!

-Но здесь только часть правды (мерзкая часть)! Ибо следствием был ответный аргумент, жестокий-с! - остервенело замахал палкой.

- Дальше!!!

-Но, наисветлейший Государь, здесь дело карьеры! Здесь....о-хо-хо! какое здесь дело!!!

- Я –Модест Петрович!!! Где ж тут Государь?

-Как?... Какой Модест Петрович? Остро? Мм-да, а я кто такой?

-Ты? Ты-Дрова Крестоподобной.

-А кто здесь Государь?

Модя указал ему старца Зосиму. Монашек, спотыкаясь и слюнясь, побежал к тому. Только и слышно было: „Бью тебе челом на царстве, на великом государствееЕЕ!“...

Мы с Моденькой на часок замолкли, каждый про свою думушку. Ночь истекала. Приспело время разойтись.

-Ну, милый друг мой из княжества Литовского, на прощание скажи, как дальше? Что потом?

-Мне бы, Модест Петрович, до тридцати лет дожить, а потом...

-“Кубок об пол”?

-Гм. А пока еще наше доблестное войско полно пылки геройской.

-Наше же, вестимо, нет, да и водка.

-Мы с тобой, Модя, еще повоюем с надеждой на бога, за веру, за Русь и Литву, за народ!

-Как, “еще повоюем”?- усмехнулся Модя.- Не видно в тебе “доблестного воина”.

-Ах, прости меня, друг дорогой. Мы... мы...

-Ну?

-Грядем на прю!

-Грядем на прю!- помахал рукой прощаясь мой милый друг, улыбнулся, да и закрыл дверь за собой.

Пирующих уже не было. Выяснилось, что они что-то натворили, и поскорее скрылись. Остались мы с хозяйкой одни.

Тут я подошел к окну и закричал со слезами:

-Ибо аз есмь!

„Ибо аз есмь”!- послышался голос со двора в басовом регистре. Видимо, не эхо. Это небыл голос Вяя - тот ушел отпевать новоиспеченных покойников, бывших Киевских семинаристов и бурсаков. “Вестимо, не эхо!”- подумал.

Для окончания дорисуем полную панораму событий. Старец Зосима, может быть от хмеля, а может быть по старческой дурачливости не сумел указать “блюстителем”, где злодеи. Сперва пробовали искать у мавзолея “Великого Магистра Оперы”- один страстный “блюститель”, сам кандидат в Фетюковича, даже просвистел мотив меча из “Нибелунгов”, но меча у него как раз то и не было, потому что единственный меч, приспособленный для рубья голов, был украден из Додоновой казны (и это потом было строго доказано по документам) таким же “адвокатом” Фетюковичем. Мавзолей бросились искать, но заблудились, ибо этот мавзолей, в прошлом активно посещаемый разного рода пилигримами, “оброс лесом, корнями, бурьяном, диким терновником; и никто не найдет теперь к нему дороги”. Искали просто и у мавзолея “Великого Вождя Всех Народов”, что под Кромами, но там нашли только бунтующих (легально) поклонников великого социалиста, нами уже упомянутого Гришки Отрепьева, так что “блюстителю” оставили их в покое. Думали еще идти к мавзолею “Великого Гения Оперы”, и напали бы на верный след, но одумались, решив, что там не могло быть безобразий: “слишком уж святое место, есть же и у них хоть капля совести?” Как последнее средство, обратились к главному “блюстителю”- Царю Берендею. Но тот, известно, пропал с Ярилиной долины. Обратились к честным берендеям, которые со незапамятных времен плодились в берендеевой слободе. Те ничего не знали, умели только круги водить, за Лелем повторять, да за ягодами в лес. Пожилые были потолковее, астрономией да нашептаниями занимались, но где пропал сам царь Берендей, не знали, “и знать не хотим, так ему и скажите!”. Обратились к старикам. Те-то, особенно слепые, забавлялись с гуслиями, пели разные народные напевы местного значения,вроде:

“Вещие, звонкие струнны рокочут,
Громкую славу царю Берендею”.

Им, бедным, никто и не сказал, что тот удрал. Спросили местного лешего, но из огня - в полымя: тот уверял, что никакого царя Берендея совсем нету, и никогда не было, вот разве...”Ну?”- вцепились “блюстителю” за последнюю надежду. “Был такой один, только не Берендей, а Бурундук, да не царь, а леший, как и я, судырь ты мой” - начал старец (“блюстителю” же было штук пятьдесят),- “да погиб во время знаменитого Лиссабонского землетрясения, о чем охотно писали все анналы западников под заголовками, типа “Просвещенный Запад дал смертельный удар поклонникам славянской боговщины и чертовщины”, - задрожал голос патриарха, и “блюстителю” увидели в его руке палку. Поскорей отошли и оставили лешего беситься одного. Все же ветер доносил еще его голос: “Но говорят, появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был... А-уууу!... не кто другой...”

Наконец, сам виновник безобразий Фетюкович поселился с прекрасной девицей, Шемаханской царицей в Тмутараканских пустынях, бросил на почву украденный “булатный меч”, сверху положив преогромнейшую голову Короля Треф (им же и отрубленную), и стал дожидаться дураков, жить поживать да добро наживать.

2003, 18-20 ноября, Vilnius